

Р Е Ц Е Н З И И

Н.И.НИКИТИН

НОВЫЕ КНИГИ О ЗЕМЛЕ ЮГОРСКОЙ

На фоне множества книг по истории, вышедших во время издательского бума, начавшегося с середины 1990-х годов, широкой общественностью осталась практически незамеченной (и, стало быть, по достоинству не оцененной) серия книг, явившаяся, пожалуй, самым наглядным свидетельством крупных успехов в изучении западносибирского Севера за последние годы. Думается, настало время заполнить и этот “историографический пробел”.

Речь идет об изданиях, приуроченных к юбилейным датам, недавно отмечавшимся в Тюменской области: 400-летию г. Сургута, 65-летию Ханты-Мансийского автономного округа, 10-летию г. Нягань и 5-летию г. Югорск*.

Нетрудно заметить, что этих “юбиляров” объединяет не только территория: все они являются важными центрами нефтегазовой промышленности, и их нынешняя роль в стране и мире вызывает глубокий интерес к прошлому края, которому они обязаны самым своим появлением и облик которого они столь решительно и быстро преобразили.

* *Древний город на Оби: История Сургута*. Научно-художественное издание. Екатеринбург: изд-во “Тезис”, 1994. 330 с. Тир. 20 000. Общественная редакция: А.Л.Сидоров, Л.В.Степанова, Я.С.Черняк. Авторский коллектив: Н.Н.Баранов, Д.В.Бугров, Е.М.Главацкая, С.В.Горшков, Н.А.Миненко, В.М.Морозов, Н.Н.Попов, Д.А.Редин, Ю.П.Чемакин, А.Т.Шашков;

Очерки истории Коды. Екатеринбург: изд-во “Волот”, 1995. 192 с. Тир. 5 000. Общественная редакция: А.К.Киприянов, А.К.Мишунин, С.В.Сажаев. Авторский коллектив: В.М.Морозов, С.Г.Пархимович, А.Т.Шашков;

Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург: изд-во “Волот”, 1995. 154 с. Тир. 10 000. Общественная редакция: В.В.Журавлев, Н.А.Саликова, В.Д.Гурьянов. Авторский коллектив: Н.Н.Баранов, Д.В.Бугров, С.В.Горшков, А.П.Зыков, С.Ф.Кокшаров, Е.П.Мартынова, Д.А.Редин, А.Т.Шашков;

Югорск. От легенды до точки на карте. Екатеринбург: Изд-во “Волот”, 1997. 160 с. Тир. 10 000. Общественная редакция: Р.И.Бзенко, В.И.Хоминский, Р.З.Салахов. Авторский коллектив: Н.Н.Баранов, С.В.Горшков, А.П.Зыков, В.В.Каплюков, С.Ф.Кокшаров, Н.А.Миненко, В.М.Морозов, А.Т.Шашков.

Как единая серия рецензируемые книги выглядят еще по ряду элементарных признаков и причин. Авторский коллектив состоит в основном из екатеринбуржцев, работающих в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН и Уральском государственном университете. Книги изданы в том же Екатеринбурге Научно-производственным многопрофильным предприятием “Волот” при активной поддержке местных администраций (городов-юбиляров и Ханты-Мансийского автономного округа), отличаются прекрасным художественным оформлением и высоким качеством полиграфического исполнения, написаны на базе большого количества научной литературы, опубликованных источников и с привлечением малоизвестных архивных материалов. Наконец, книги близки по структуре: в ее основе хронологический принцип, не исключающий более глубокой проработки отдельных (“сквозных”) сюжетов.

Хронологически все издания охватывают период с глубокой древности и, за исключением “Очерков истории Коды”, до 1990-х годов (история Кодской земли доведена лишь до 1930 г., но, тем не менее, и она получилась созвучной многим современным проблемам). Близки рецензируемые книги и по авторской манере — строго научной и, вместе с тем, легкой, увлекательной, полностью соответствующей назначению и четко определенному характеру изданий — научно-популярных в полном (и лучшем) смысле слова. Видимо, здесь немалая заслуга не только авторов и редакторов, но и тех, кому была доверена “литературная обработка текста” — Ю.А.Горбунова (“Нягань”, “Югорск”) и В.И.Бугрова (книга о Сургуте). Столь удачный опыт сотрудничества литераторов и историков-исследователей хорошо бы вообще шире использовать в изданиях, рассчитанных на большую читательскую аудиторию.

Особой образностью и яркостью изложения отличается книга о Сургуте: многие ее разделы читаются как фрагменты приключенческих романов (и вполне могли бы дать сюжеты для изрядного их числа), но справедливости ради надо признать, что у авторов “Древнего города на Оби” были и большие возможности для творческой, художественной самореализации. Объем этого издания в два раза больше, чем у других книг серии, что позволило наполнить историю Сургута множеством чисто “бытовых” эпизодов — ярких, сочных, хорошо запоминающихся, — а также органично вплести в ткань повествования тексты малоизвестных, но чрезвычайно интересных источников, сделав в итоге “Древний город на Оби” не просто научно-популярным изданием, а именно “научно-художественным” (как оно и названо издателем). Так что поставленная его авторами задача “написать книгу... выдержанную в свободной, непринужденной, если получится — образной форме” — удалась вполне.

И еще одна несомненная удача авторов не только “Истории Сургу-та”, но и других книг серии: хотя они ставили перед собой вполне определенные цели (проследить историческую судьбу конкретного города или довольно ограниченного — в масштабах страны — региона), результаты этой работы далеко вышли за скромно очерченные рамки. История Нижнего Приобья получилась не изолированной, она дана на широком историческом фоне, хорошо вписана в общероссийскую проблематику и сама дает богатую пищу для размышлений о прошлом и будущем нашего общего Отечества.

Конечно, поскольку в центре внимания авторов все же один регион, материал книг порой дублируется, но “центр тяжести” исторического повествования в каждой из книг особый, что позволило авторам всякий раз находить свой, неповторимый аспект изложения материала, свою “изюминку” едва ли не в каждой из глав и, в то же время, предоставить читателю возможность составить общее и достаточно полное представление о всей истории Тюменского Севера, к сожалению, еще плохо известной большинству наших соотечественников.

* * *

Итак, во всех рассматриваемых нами книгах вначале рассказывается о самых древних, “доисторических” временах, и главными “рассказчиками” здесь являются, естественно, археологи. Они приводят убедительные доказательства того, что Нижнее Приобье стало осваиваться человеком не позднее эпохи мезолита (VIII–VI тыс. до н.э.), и прослеживают развитие археологических культур на этой территории вплоть до раннего железного века, когда, наконец, “берут слово” историки и этнографы.

Благодаря археологам мы узнаем, что представляли собой в глубокой древности ландшафт и климат Западной Сибири, какими орудиями труда, каким оружием пользовались древнейшие обитатели Нижнего Приобья, какими были их жилище, одежда, утварь, верования и главные источники существования (а они хотя и носили традиционный для северной зоны характер — охота, рыболовство, оленеводство и т.п., но, вместе с тем, имели множество разновидностей и форм, из которых на первый план у разных групп населения в разные исторические периоды выдвигались то одни, то другие). Однако круг проблем, изучаемых археологами на базе нижнеобских раскопок, оказывается неизмеримо шире вопросов элементарного быта.

Уже неолитические (V–III тыс. до н.э.) находки показывают, что заселение Тюменского Севера происходило не из одного района, а из нескольких (с юга, востока, из-за Урала), и уже тогда “это вело к ассимиляции, слиянию культур, возникновению новых. Потому-то ни одну из выделенных в Приобье неолитических культур или типов памятников нельзя полностью отождествить с современными народами...” (Ис-

тория Сургута [далее — Сургут], с.30). Следов древнейших миграционных процессов на севере Западной Сибири найдено немало, и самым интересным из них, даже сенсационным, явилось открытие в бассейне Казыма укрепленного поселения (городища) времен неолита — Амня 1. Остатки оборонительной системы, как пишут авторы, вроде бы однозначно свидетельствуют об ее принадлежности к железному веку, тем не менее это оказался неолит. Таким образом, Амня 1 на сегодняшний день является не только самым древним, но и единственным укрепленным поселением лесной зоны в эпоху камня. И причина появления грозной крепости на глухой таежной реке в каменном веке могла быть только одна — серьезная военная угроза: “То ли местным жителям пришла необходимость защитить себя и свои угодья от неких агрессивных пришельцев, то ли, наоборот, какая-то группа мигрантов оказалась в окружении воинственных аборигенов и решила отвоевать частицу тайги” (Нягань, с.7). Надо бы, однако, заметить, что в самом факте сооружения людьми каменного века крепостей-убежищ нет ничего необычного: вспомним, например, сколько укрепленных “городков” встретил на своем пути по Камчатке В.Атласов. А ведь аборигены полуострова хотя и жили тогда (в конце XVII в.) в самом настоящем каменном веке, но, тем не менее, постоянно “воевались” друг с другом...

Ну, а Приобье покрылось сетью укрепленных поселений уже к середине I тыс. до н.э. Тогда же, наряду с “полифункциональным” оружием (употребляемым как для войны, так и для охоты), в изобилии появляется чисто боевое, включая доспехи, а “пик милитаризации населения Нижнего Приобья” пришелся на рубеж эр (Нягань, с.15, Югорск, с.11). Причиной этого явления был своеобразный “демографический взрыв”. Усовершенствование промысловых орудий, способов охоты и рыбной ловли привело к значительному увеличению численности населения и интенсивному освоению все новых и новых территорий. В условиях присваивающего охотничье-рыболовческого хозяйства, при ограниченных таежных ресурсах, борьба за территории в приобской тайге стала в конце концов постоянным явлением (Сургут, с.38, Югорск, с.11). Эта демографическая проблема, по мнению авторов рецензируемых изданий, была благополучно решена в III–V вв. н.э. миграцией приобского населения — на запад (за Уральские горы) и на Юг (в лесостепь), чему благоприятствовало резкое изменение этнополитической ситуации на восточной окраине степной Евразии: после распада Хуннской державы началось “Великое переселение народов”, и многие лесостепные племена покинули прежний ареал обитания, увлеченные на запад мощным переселенческим потоком, и тем самым освободили место для живших севернее.

Археологи считают, что VI–VII вв. для западносибирской тайги были временем относительного затишья, но в VIII–IX вв. вновь насту-

пил период нестабильности, ознаменовавшийся обновлением (и усилением) всего комплекса вооружения воинов, ростом численности и мощности оборонительных сооружений (появляются, в частности, “глубококошелонированные” фортификации, состоящие из двух-трех рядов стен). Как оказалось, на жителей Приобья усилилось давление кочевых тюркских племен. Одни этнические группы гибли, другие бежали, и чаще всего — на север, в тайгу, нарушая и там мирное течение жизни — и опять — на целые столетия...

Впрочем, межэтнические контакты и в то время, и в более ранние времена (не говоря уже о более поздних), конечно, не сводились к войнам и миграциям. Археологи прослеживают и торговые связи жителей Нижнего Приобья с другими, в том числе весьма отдаленными от сибирской тайги, регионами — вплоть до Западной Европы, Византии, Закавказья и Ирана. Основным предметом обмена жителей западно-сибирской тайги с соседями всегда была пушнина, менялись лишь объемы этой торговли и главные ее направления. А на рубеже I и II тыс. н.э., как убедительно показывают авторы рецензируемых изданий, она переживает “бум” — происходит “качественный скачок”: таежное Зауралье активно подключается к мировой пушной торговле, которую уже не удовлетворяют промыслы на севере Европы. Основным же направлением торговых связей надолго становится западное — на Верхнее Прикамье: туда стала уходить основная масса сибирской пушнины, оттуда же в Зауралье стали поступать наиболее важные импортные товары (главным образом, оружие и ювелирные изделия — “серебро” и “узорочье”). Авторы не согласны с теми историками и археологами, которые отдают приоритет в налаживании этих связей русским (прежде всего новгородским) купцам и считают главными контрагентами жителей Нижнего Приобья волжских булгар. Лишь побережья арктических морей в XI–XIV вв., видимо, достаточно регулярно посещались как варяжскими, так и новгородскими боевыми судами, о чем свидетельствуют археологические находки на крайнем севере Западной Сибири (Югра, с.12–14).

Рецензируемые издания показывают, как изменение характера пушной торговли к XII в. кардинально изменило и этнополитическую ситуацию в Нижнем Приобье. Поскольку мировой рынок требовал пушнину в огромных количествах, резко усилилась борьба родоплеменных объединений за промысловые угодья, за удобные выходы на торговые пути и, наконец, за потенциальных плательщиков дани пушной — ясака, ибо войны теперь ведутся не только за территории, но и за проживающих там людей. Количество укрепленных поселений уменьшается, но, по сравнению с более ранними, они превращаются в настоящие крепости (каким был, например, раскопанный археологами в 1994 г. город Эмдер — “сибирская Троя”), отражая тем самым

начало процесса перехода населения Нижнего Приобья от первобытнообщинных отношений к раннеклассовым и эволюцию племенных объединений в раннегосударственные, каждое из которых укрепляет прежде всего свою “столицу” (Нягань, с.27–34). В итоге столь важных перемен “с XII века таежный мир вступил в эпоху, нашедшую свое отражение в былинах и героических сказаниях, эпоху кровавых битв и дальних походов” (Югорск, с.19).

Из вышеизложенного следуют по меньшей мере два важных вывода, казалось бы, очевидных, но, по ряду далеких от интересов науки причин, малопопулярных в прежней историографии.

Во-первых, Нижнее Приобье никогда — ни в “доисторические” времена, ни накануне русской колонизации — не было оазисом тихой, мирной жизни. “Страсти роковые” в виде больших и малых войн издревле бушевали внутри этого обширного региона и периодически выплескивались во вне. Еще чаще они захлестывали его извне, являясь отголосками массовых миграций и войн, бушевавших в сопредельных (как правило, южнее расположенных) краях и в “большом мире”.

Во-вторых, ко времени первых контактов Нижнего Приобья с русскими землями оно отнюдь не являло собой обиталища кротких, наивных и беззащитных дикарей, которых лишь ленивый не способен был покорить или истребить. А ведь именно такими представляли коренных обитателей Сибири некоторые наши историки, и именно такие взгляды ныне кое-кто пытается выдать за “самые объективные”.

Нет, в XIV–XVI вв. Нижнее Приобье предстает перед объективным исследователем как страна с богатой самобытной культурой, где активно шел процесс классообразования, складывались сильные племенные союзы, прото- и раннегосударственные образования (“княжества”), открыто бросающие вызов соседним народам и странам. Это общество, оказывается, имело довольно четкую социальную структуру.

Помимо военной элиты (“богатырей”) и свободных общинников, главной (“государственной”) обязанностью которых являлась военная служба — участие в походах, источники выделяют рабов, а также данников из подчиненных родов и племен. Воины остяко-вогульских княжеств, как правило, были прекрасно вооружены (в рецензируемых книгах приводятся образцы их оружия, доспехов), закалены в боях и оказались достойным противником для русских ратников.

* * *

Русская колонизация Нижнего Приобья занимает в рецензируемых изданиях центральное место, и это понятно: именно она в конце концов оказала решающее воздействие на ход исторических процессов на севере Азии. Ценно, однако, что при этом не были забыты и те, кто

разведаль и фактически проложил русским первые “чрезкаменные” пути в Сибирь, — коми-зыряне, тем более, что они и в дальнейшем играли видную роль в освоении Сибири (прежде всего — промысловом). И все же вряд ли можно считать удачным обозначение “древних пермлян, предков нынешних коми-зырян”, “первыми сибирскими землепроходцами” (Кода, с. 71). Переселение предков коми за Урал до начала русской колонизации принципиально ничем не отличалось от более древних миграций, сопровождаемая той же массовой ассимиляцией и смешением этносов (см.: Кодя, с. 7–70). Между тем, под “землепроходцами” в нашей литературе уже давно принято подразумевать вполне определенный тип переселенцев, непосредственно связанный с присоединением Сибири к Российскому государству в конце XVI–XVII вв. Это, кроме того, были не просто люди, первыми достигшие ранее неведомых земель на севере Азии (такowymi, строго говоря, являлись лишь самые первые ее обитатели), а те, кто в ходе промысловых или военно-разведывательных экспедиций, отправлявшихся “для прииску новых земли”, доносил сведения о своих открытиях до “большого мира” (вспомним, что “расспросные речи”, “отписки”, “скаска” и “чертежи” русских землепроходцев быстро становились известны не только в Москве, но даже в Западной Европе), т.е. совершал географическое открытие в полном смысле этого слова. Коми, конечно, отличились и в этом качестве (как землепроходцы), но — уже позднее, вместе с русскими, в ходе русской колонизации Сибири и, как правило, находясь в составе русских отрядов.

...Начало продвижения российских рубежей за Урал, “встречь солнца”, неразрывно связано с историей именно Нижнего Приобья, и авторы рецензируемых изданий детально прослеживают самые первые шаги русских людей на этом пути, порой внося важные коррективы в устоявшиеся представления о целях, ходе и итогах некоторых военных экспедиций за Урал (например, о военной акции С.Курбского и П.Ушатого 1499 г. — Югорск, с.44). Особое внимание, естественно, уделяется походу Ермака, сокрушившему главную для Руси преграду при движении на сибирский простор — “Кучумово царство”. Как известно, “Ермаково взятие” — одна из самых ярких и, вместе с тем, загадочных страниц российской истории, и споры о его характере, хронологии и очередности событий не утихают до сих пор. В рецензируемых изданиях излагается лишь один из возможных и достаточно оригинальных вариантов (“сценариев”) знаменитой эпопеи. Он, безусловно, интересен, имеет полное право на существование, но, тем не менее, пока тоже представляет собой лишь одну из гипотез, и, несмотря на научно-популярный характер изданий, в них были бы вполне уместны соответствующие оговорки.

И еще одно замечание в связи с походом Ермака. В книге “Нягань” читаем: “Мы прекрасно помним и чтим подвиг казаков Ермака Тимо-

феевича, которые в конце XVI века героически преодолели тысячекilометровое расстояние от строгановских городков до сибирской столицы... Но мы почему-то вовсе забыли о том, что почти одновременно и тем же почти маршрутом прошел отряд пелымских вогуличей в составе рати царевича Алея... на Чердынъ и Кай-городок ... и в гораздо более изнурительных боях... Сегодня, с высоты четырех столетий, не пора ли нам по достоинству оценивать подвиги и тогдашних врагов, и аборигенов-союзников?” (с.35). Всецело разделяя этот призыв и считая такой подход наиболее плодотворным, полагаем, однако, что конкретный пример для сравнений получился в данном случае не вполне удачным. Походы “сибирцев” на русские земли вполне сопоставимы с более ранними походами русских ратей за Урал, но экспедиция Ермака занимает в нашей истории совершенно особое место — и по целям (пусть и не сразу определившимся), и, главное, по результатам.

В целом же намерение авторов рецензируемых изданий “объективно и без предубеждения взглянуть на угорские княжества Приобья” можно считать осуществившимся. Особенно удачной оказалась характеристика союзного Москве Кодского княжества и враждебного Пелымского — подробная и яркая. Не менее увлекательно читаются и те страницы, где рассказывается о перипетиях строительства первых русских городов в Нижнем Приобье — Обского (“Мансуровского”), Березова, Пелыма, Сургута — и о первых десятилетиях их истории, ознаменованных осадами во время восстаний новых российских подданных, военными походами для усмирения “изменников” и “непослушников”, пожарами, бесконечным обновлением и расширением крепостных сооружений и т.п. Описание планировки и внешнего вида сибирских городов в рецензируемых книгах, как правило, детальные и яркие, а цветные репродукции реконструкций прекрасно их дополняют, наверняка создавая у читателя впечатление личного присутствия в описываемых местах.

На всех сюжетах, затронутых авторами разделов о “русской Сибири”, остановиться, естественно, невозможно, но некоторые просто нельзя не отметить.

В рассматриваемых изданиях подробно отражены прежде всего хозяйственные занятия, быт, обычаи и обряды, нравы русского населения края, социальная структура. Эти вопросы традиционны для нашей историографии. Вместе с тем, в центре внимания авторов оказалась и церковная жизнь Нижнего Приобья, далеко не всегда занимавшая подобающее ее значению место в сибиреведческой литературе. С особым интересом читаются страницы, посвященные драматической истории старообрядческого движения в Западной Сибири. По-прежнему авторы весьма обстоятельны в описаниях образа жизни, материальной и духовной культуры коренного населения. С большой тщательностью,

с привлечением множества иллюстраций показаны, в частности, разнообразны способы охоты и рыбной ловли у аборигенов Обского Севера.

Сильной стороной всех упомянутых выше книг является то, что их авторам счастливо удалось избежать той схематизации и вульгаризации истории, которые до недавнего времени в силу крайней идеологизированности и политизированности нашей науки были чуть ли не обязательным атрибутом абсолютного большинства исторических работ. Круг затронутых вопросов требовал, по собственному определению авторов, в первую очередь, “конкретного и непредвзятого ответа, свободного от идеологических наслоений прошлого, от надуманных схем, построенных исключительно на противопоставлении трудящихся алчным эксплуататорам, на непримиримой борьбе между ними. Все было гораздо сложнее. И в то же время — проще” (Сургут, с.267).

Предпочтительность такого подхода особенно очевидна при освещении национальной политики российского правительства, в оценках которой истории всегда были щедры на крайние и полярные суждения. Положение народов Обского Севера под российским скипетром показано в рецензируемых изданиях без идеализации и лакировки, особенно собственных нашей историографии в “период застоя”, и, вместе с тем, без того грубого и огульного очернительства, каким отличалась историческая литература 1920–1930-х годов, специально нацеленная на “разоблачение колониальной политики русского царизма”. Поскольку в последние годы по крайней мере в публицистике проявляется тенденция к реанимации трактовок “национального вопроса” “областнической” и ранней советской историографией, такой подход к нему порой выглядит весьма злободневно — словно ответ тем, кто считает “наиболее объективными” давно устаревшие, односторонние и, конечно же, сугубо конъюнктурные оценки и взгляды.

Прежде всего решительно (и весьма убедительно) опровергаются утверждения о “вымирании” коренных жителей Северного Приобья в XVII–XIX вв. Становится ясно, что такое заключение в свое время делалось на основании либо субъективных впечатлений отдельных путешественников, либо тех документов массового учета, в которых не могли зафиксироваться миграционные и ассимиляционные процессы в Западной Сибири (см.: Сургут, с.210; Нягань, с.62, Югорск — с.83–84, 88; 90). В рецензируемых книгах нашли достаточно полное отражение меры правительства по защите ясачных людей как от нападений “немирных” соседей, так и от “утеснений” со стороны русских промышленников; отмечается, что в “голодные годы” при всех “элементах социальной демагогии” довольно существенной являлась помощь “инородцам” через систему хлебных магазинов (Сургут, с. 113, 198–199, 230; Югорск, с.71, 86–89). Большое внимание уделяется взаимным культур-

ным заимствованиям переселенцев и аборигенов, имевшим в целом благотворные последствия для обеих сторон (Сургут, с.256–257; Нягань, с.75; Югорск, с.85, 95).

Подробно рассмотрен и процесс христианизации народов Обского Севера — в подавляющем большинстве случаев вовсе не насильственный, как еще совсем недавно утверждалось некоторыми исследователями. Рецензируемые издания, кроме того, убеждают, что хотя христианизация и не затронула глубоко коренных жителей Нижнего Приобья (и это давало повод называть их “православными язычниками”), было бы все же неверно полностью отрицать воздействие православной церкви на их мировоззрение и повседневную жизнь. Ощутимое влияние христианства в таежном крае прослеживается уже в XVIII столетии, имеется немало фактов заинтересованного участия коренных обитателей Обского Севера в церковной жизни (см.: Сургут, с.215–225; Кода, с.161–163; Югорск, с.107–108).

* * *

XX век принес западносибирскому региону потрясения и перемены, сопоставимые с произошедшими в конце XVI–XVII вв., и рецензируемые книги вполне объективно отражают их.

Новейшая история края, включая последние десятилетия, излагается также весьма подробно, вводя читателя в круг самых насущных его проблем. И поскольку они еще памятны большинству сегодняшних жителей Нижнего Приобья, у читателя появляется реальная возможность соотнести собственные впечатления от произошедшего с тем, как оно трактуется современными историками.

Достижения индустриального освоения Севера Западной Сибири в последние десятилетия несомненны и общепризнанны, им авторы рассматриваемых книг отдают должное, подробно показывая, как глухие таежные поселки превращались в крупные центры нефтегазодобычи, “качающие энергию в могучие мышцы страны” (Нягань, с. 138). Но трудности, порожденные “нефтяной лихорадкой” и быстрым ростом связанных с нею городов, тоже не скрываются и, наверняка, будят у читателя самые живые воспоминания (тем более что считать их до конца преодоленными нельзя и по сей день).

Авторами отмечены нехватка транспорта и отсутствие надежных дорог, сбой в материально-техническом снабжении, сильное отставание социальной сферы от производственной и как следствие — бытовая (прежде всего жилищная) неустроенность нефтяников, “товарный голод”, экологические и другие, общие для всего региона, проблемы. Не обойдены вниманием и трудности специфические, например, такая: в столице сибирских нефтяников Сургуте долгое время ощущалась нехватка... энергии — как электрической, так и тепловой,

и эта парадоксальная ситуация продолжалась до завершения строительства ГРЭС на попутном газе, до того просто сжигавшемся в факелах, являя собой “наглядный символ богатства и расточительности” (Сургут, с.298).

Проблемы самых последних, “перестроечных” лет охарактеризованы в упомянутых изданиях, конечно, слабее (“большое видится на расстоянии”), но порой весьма выразительно. Так, касаясь положения дел с охраной общественного порядка в городах и поселках нефтегазового комплекса Сибири, авторы “Югорска” замечают: “Началась перестройка, люди освобождались от тотального страха, но на смену ему пришел культ вседозволенности и разнузданности, едва ли не более страшный в условиях экономической и социальной нестабильности общества” (Югорск, с.135). Думается, нынешнему читателю не сложно решить, насколько обоснованными оказались подобные опасения...

* * *

Выше речь шла в основном о достоинствах рецензируемых книг, но, конечно же, и в них не все получилось удачно, не со всем можно согласиться даже при самом благожелательном и уважительном подходе к проделанной авторами работе.

Например, трудно безоговорочно принять их характеристику уровня общественного развития нижеобских княжеств в XV–XVI вв. То, что ханты-мансийское общество в это время в целом далеко продвинулось на пути классообразования и феодализации, выглядит довольно убедительно, однако констатации этого факта вряд ли достаточно для понимания особенностей социально-политической ситуации на Обском Севере. Объективности ради стоило бы подчеркнуть, что возможности складывания у ханты-мансийских племен развитого феодального общества и сильного государства были невелики: условия и уровень развития производительных сил в северной таежной зоне, в основном присваивающий характер хозяйства, являлись неодолимым препятствием на этом пути, обуславливая застой, регресс и как следствие — неизбежное их покорение соседними, более развитыми государственными образованиями.

Авторы первых глав “Нягани” — археологи С.Ф. Кокшаров и А.П. Зыков — ярко живописуют воинственность (и даже “агрессивность”) остяцких и вогульских князей, и, вместе с тем, их набеги на Русь представляют в виде ответных мер (Нягань, с.47). Но разве в условиях тогдашней тотальной воинственности ханты-мансийского общества мог иметь принципиальное значение выбор повода для военного похода? И уж совсем странно выглядят иронические кавычки, с которыми названные авторы употребляют слово “освоение” применительно к русской колонизации Сибири (там же, с.34, 46). Разве освоение Сибири

русскими сводилось лишь к военным экспедициям, разве русскими не были построены в Нижнем Приобье города и разве не развивались там русские “торги и промыслы”? Эта ирония выглядит особенно неуместной на фоне дальнейшего повествования, показывающего именно ход освоения Западной Сибири русскими — освоения без кавычек.

Из недоработок более частного характера нельзя не отметить отсутствие во всех рассматриваемых нами книгах, кроме “Нягани”, хотя бы простейших карт, что сильно мешает восприятию материала: три практически одинаковых “чертежа” С.Ремезова в книге о Сургуте (с.119, 132 и обложка) вряд ли здесь могут существенно помочь читателю. Вызывают досаду и опечатки в издании, выполненном на столь высоком полиграфическом уровне (см. там же, с.104, 105, 122, 226 и др.). Ну а более всего огорчает в рецензируемых изданиях их тираж — совершенно недостаточный для того, чтобы с ними смогли ознакомиться все, кто их прочел бы не только с интересом и удовольствием, но и с несомненной пользой.

Завершая этот обзор, следует признать, что достойный подарок к юбилейным датам получили как жители городов-юбиляров и Ханты-Мансийского автономного округа, так и все интересующиеся прошлым Северного Приобья. Остается сожалеть, что таких книг — прекрасно оформленных и, вместе с тем, ярко, образно и с учетом последних научных разработок написанных — пока нет по общероссийской истории.